КАРТИНЫ ИЗЪ РУССКАГО БЫТА

КОЛДУНЬЯ (*)

Мы запоздали выѣздомъ; ночь часъ–отъ–часу становилась темнѣе: вѣтеръ переметалъ дорогу, и мы уже раза два сбивались; кони измучились, я перезябъ и, увидавъ невдалекѣ огонекъ, обрадовался ему и рѣшился переночевать въ деревушкѣ. Насъ пустили въ первую избу, въ которую мы попросились.

— Прошаемъ милости, сказалъ хозяинъ, отворяя дверь въ избу: — только не обезсудьте, ваша милость; въ избѣ–то у насъ не больно срядно, понадряпили: коё мы съ лаптишками нанесли, коё робятишки... Эй ты, Афроська! эка ворона! смахни съ лавки, да пріоставь свитецъ. Аль не прикажешь ли подать свичу? мы подерживаемъ ради наѣзду; къ намъ–таки

(*) Разсказъ этотъ полученъ мною почти въ томъ видѣ, какъ онъ есть.

жалуютъ ино бара, а пуще вотъ передъ введеньевской ярманкой. Намедни какъ–то ночевалъ у насъ лекарь; мы–было такъ ему обрадовались — у насъ, вишь, хвораетъ бабенка, вотъ энтого дѣтины хозяйка — третій годъ, а не отпускаетъ ничего. Испортили, окаянные, выкликаетъ и кошкой–то, и собакой–то, и нѣ–вѣсь какъ; така судьба Божья! А бабенка–то бы клёвая (красивая, видная), да чтѣ ты будешь дѣлать — по вѣтру пустили!»

Хозяинъ, рослый и видный старикъ, весь сѣдой, взглянулъ на меня при этомъ, будто хотѣлъ видѣть, что я скажу или подумаю. Какъ бывалый человѣкъ въ обращеніи съ господами заѣзжими, онъ видно зналъ уже по опыту, что разсказы его по порчѣ и напускѣ не всегда принимаются съ такою же простотой, съ какой онъ ихъ разсказываетъ. «Баринъ смѣется» продолжалъ онъ: «да и лекарь–то смѣялся, да вотъ не сдѣлалъ ничего, легче нѣтъ. Ваши братья–господа не вѣрятъ порчамъ, баютъ и колдуновъ–то нѣтъ.» Я отвѣчалъ, что всему на свѣтѣ можно

повѣрить, коли увидишь своими глазами, либо ощупаешь руками: противъ такой правды спорить нельзя, чтобы не сбылось надъ нами писаніе: и уши есть, да не слышатъ, и глаза есть, да не видятъ. Но какъ я дѣла этого, о которомъ онъ говоритъ, не видалъ и не знаю, то и вѣрить не могу.

— Какъ ваша милость не вѣритъ, сказалъ толковый и словоохотливый старикъ: — есть пословка: въ ўймѣ (лѣсу) не безъ звиря, въ людяхъ не безъ лиха; а пословка на витеръ не говорится. Не знаю я твоего имечка и отчества, а коли повелишь, разскажу я тебѣ бывальщину, такъ вотъ самъ скажешь опосля, каково дѣло это, вѣрить аль не вѣрить. Я вишь пораскалякался, ночь долга будетъ, станетъ поры еще и выспаться.

Я сѣлъ за чай и просилъ хозяина говорить, увѣряя, что буду слушать его. — То–то бара, сказалъ онъ, заплетая новый лапоть: — вѣрить не вѣрятъ ничему, а слушать рады!

«Вотъ, батюшка ты мой, отъ нашей деревни быть верстъ десять или двѣнадцать, есть деревнюшка, а когда–то бывала она и большой деревней; да такъ, не повелось что–то. Тутъ въ старину жилъ–былъ мужичокъ, по имени Маркелъ, а по отзыву Ворохъ; а у Маркела былъ сынокъ Герасимъ. Въ тѣ поры здѣшній народъ не знавалъ чужой стороны, оброчное и государево добывали около себя, то хлѣбушкомъ, то холстами, то скотиной, и холостые парни всѣ жили по домамъ, не какъ нынѣ, что все у чужихъ людей, въ работѣ, въ Москвѣ, либо въ самомъ Питерѣ. Женить молодыхъ понужденья у насъ не было, а сходились женихи и невѣсты сами, по согласію.

«Вотъ, батюшка ты мой, Ворохъ былъ мужикъ богатый, Гаранька парень важный, дородный, бѣлый да румяный, и дѣвушки отъ него не прочь, и отцы–матери не прочь; а въ той же деревнѣ, сударикъ ты мой, жила вдова Авдотья; старуха не старуха, а таки еще въ порѣ, а у нея, слышь, дочка Акулька — плёвая дѣвчонка, поджаренькая,

подслѣпенькая, такъ вотъ и вся–то съ курицу, и прозвище дали ей «мокрая галка». Избёнка была у нихъ плохая, жили Богу вѣдомо какъ и чѣмъ, ну вотъ только–что не нищіе, что по–міру не ходили. Вотъ, отецъ ты мой, въ ночи на лѣтняго Ивана, что живетъ въ Петровки, Авдотья моя и пропала; какъ пропала наша Авдотья, такъ и нѣтъ ея сутки, нѣтъ другія, нѣтъ и недѣли, и больше — а дочка не горюетъ ничего, ходитъ съ парнями въ кругахъ (хороводахъ), да распѣваетъ пѣсенки. Спросятъ ее: а гдѣ мать? — она молчитъ, либо не знаю, говоритъ; я–де за нею не хожу. Пропадала она таки долго, что люди не чаяли и видѣть ее, анъ ужь около нашего праздника, отколь ни взялась, опять тутъ стала. И никто не видалъ, когда и откуда она пришла: стало–быть, ночью, либо не по землѣ шла. Станутъ люди спрашивать ее: Авдотья, гдѣ пропадала? — ничего не говоритъ, только тебѣ глазами поводитъ. Одинъ спроситъ, другой спроситъ — молчитъ, ровно отнялся языкъ. Пришла осень — Авдотья поставила новую избу съ

косящатымъ окномъ, перевалила и дворъ, накрыла повѣть, все, какъ быть надо у добраго хозяина, стали съ людьми знаться и жить по–людски и хлѣбъ–соль водить. Стали всѣ дивиться, отколь Богъ далъ все это Авдотьѣ; бывало: наготы, босоты, изувѣшаны шесты — а теперя, и коты съ оторочкой, обнова за обновой. Стали приглядывать да прислушиваться — вотъ, сударь ты мой, какъ стали приглядывать да прислушиваться, то и видятъ, что у Авдотьи по ночамъ (вечеромъ) огня въ дому нѣтъ, а народу полна изба, и шумъ и гамъ. Что–де это такое? Никто не знаетъ, а хорошаго, надо–быть, мало. Ну, пошли филипповки, пришелъ мясоѣдъ, стали въ народѣ налаживаться свадьбы: куда Авдотью не позовутъ, да гдѣ не почествуютъ, тамъ и свадьбы нѣтъ; вотъ оно что. Либо невѣста жениху, либо женихъ невѣстѣ, нивѣсть–съ–чего, звѣремъ какимъ покажутся, либо и того хуже, скорбь да немочь нападетъ, прикинется такое, чего прежде и не видывали. Дѣло худо; тутъ ужь знать нѣкуда концовъ дѣвать, а выходитъ

наружу, что Авдотья спозналась съ нечистымъ. Прознали всѣ люди про то, весь міръ, а молвить боятся; всякъ оберегаетъ себя; вотъ и стали кучиться, да кланяться Авдотьѣ, кому въ чемъ какая нужда, а денежки валятъ къ ней валомъ. Глядятъ мужики — только плечами поведутъ, дивуются, а молчатъ: на дочкѣ, на Окулькѣ, шуба не шуба, шушунъ не шушунъ; и въ золотѣ ходитъ и въ соболяхъ, во всемъ приходѣ нѣтъ и не было такой ни одной; женихи пороги обили, сваты да свахи дорожки проторили — а Авдотья ртачится еще: не тѣ, вишь, женихи!

«Ничего дѣлать, все думается, это по грѣхамъ нашимъ; надо терпѣть. Проходитъ годъ — Авдотья въ церковь ни ногой; проходитъ другой — на духу не бывала, иконъ не подымывала. Стали люди говорить на весь міръ, что съ Авдотьей житья нѣтъ и никому не будетъ, что она, стало–быть, совсѣмъ отшатнулась, отошла къ нечистому; ну, говорить говорятъ и толкуютъ, да на томъ и порѣшатъ; а она свое.

«Вотъ, батюшка ты мой, пришло время и Маркелу женить сына, и сталъ онъ засылать свахъ. Скажутъ свахѣ: ладно, покорно просимъ на смотрѣнье; Маркелъ съ сыномъ и поѣдетъ, а Авдотья выйдетъ на улицу, махнетъ руками на всѣ четыре стѣроны, зальется хохотомъ да покатится — и пошла–себѣ опять въ избу; а тамъ, какъ пріѣдетъ Маркелъ съ сыномъ, къ невѣстѣ, то она тебѣ рёвомъ–реветъ: не йду, говоритъ, за медвѣдя — какъ я пойду за медвѣдя!... лучше, говоритъ, камень на шею мнѣ, да въ воду. А Авдотья, какъ прослышитъ объ этомъ, говоритъ: «Ну, видно быть Маркелу сватомъ моимъ, а Гаранькѣ зятемъ». Маркелъ, прослышавъ про–это, говоритъ: «пусть–де въ глаза мнѣ наплюютъ, коли станется это, не бывать этому во вѣкъ». Вотъ Авдотья пуще настѣну лѣзетъ, озлобилась на всѣхъ, и проявилось много порченыхъ и стали выкликать, что–де Авдотья колдунья и вся порча отъ нея, что портитъ она дѣвокъ по вѣтру, изъ–за маркелова сына, проча его за дочь свою, за Окульку.

«Устрашились этого православные, стали просить стариковъ отвести Авдотью отъ нечистаго. Вотъ и пошли, разъ и другой и третій, стали приводить ее къ Богу — такъ–куда, и навздымъ не дается, хоть не говори! Пошли старосту просить, чтобы то–есть унять Авдотью; староста былъ мужикъ простой, вотъ какъ–бы и я грѣшный, побранитъ ее, побранитъ, да постращаетъ — она и не глядитъ; учеститъ его винцомъ, да тѣмъ и оправится и опять за свое.

«Дѣло худо; толковали, толковали міряне, что не беретъ–де ея ничего, а ужь жить съ нею, съ Авдотьей, не приходится крещеному человѣку и міру терпѣть не въ мочь. Вотъ и затѣяли грѣхъ, задумали извести Авдотью. Человѣкъ десятокъ мужиковъ стакнулись и положили сдѣлать дѣло. Ночь не за горами, прошла скоро, они подошли — все темно въ избѣ у Авдотьи, а ровно слышно тамъ, что возятся. Ребята ввалились всѣ вдругъ въ избу — не видать ни зги; говорятъ: «Авдотья, вздуй огня!» она, гдѣ ни была, подошла къ шестку, вздула огня, поглядѣла на

мужиковъ, да и спрашиваетъ: вамъ что надо? — они къ ней, да хотѣли–было и того — а она, какъ топнетъ ногой, да взвизгнетъ — изба вся такъ и зашаталась ходенёмъ, а она, обернувшись не то кошкой, не то собакой, шуркъ изъ–подъ нихъ, да вонъ — только они ее и видѣли. Мужики мои со страху не могли сотворить и молитвы: попадали, да другъ друга за головы ловятъ, да за бороды теребятъ; ну, батюшка, одинъ черезъ одного, ползкомъ, кувыркомъ да насилу кой–какъ вывалились черезъ порогъ, да изъ сѣней на корачкахъ со двора!

«Зареклись мужики мои, что и другу и нѣдругу закажутъ вѣдаться съ Авдотьей, и пошли, все пересказали Маркелу: «что хочешь дѣлай, говорятъ, а всей деревнѣ черезъ тебя не пропадать: думай, да либо жени сына на Окулькѣ, что ли, либо поди, кланяйся бабѣ въ ноги, неси гостинца, да отпросись; отпуститъ — хорошо; а нѣтъ — видно судьба твоя! Однако Маркелъ на это не разсудилъ податься, говоритъ: еще поворожимъ, что Богъ дастъ. Тѣмъ

временемъ Авдотья пуще прежняго мутитъ: знай портитъ народъ, житья нѣтъ: кто встрѣнется съ нею, да не такъ поклонится, не полюбится ей — то, того гляди, бѣда, либо грѣхъ какой въ домѣ и есть. Чтъ дѣлать? Одно говорятъ: ищите такого, чтобъ зналъ силу, чтобъ Авдотью одолѣлъ. Пристали къ Маркелу всѣ, говорятъ: какъ хочешь, дядя Маркелъ, а грѣхъ твой, надъ тобой встряслось; ты и выручай!

«Вотъ и нашли такого человѣка: жилъ онъ годовъ со сто, побольше, отъ деревни нашей не близко и не далеко, и ужь такая про него слава прошла, что управлялся–де онъ и не съ такими, какъ Авдотья. Ну, поѣхалъ нашъ Маркелъ, ѣздилъ некакъ съ недѣлю, да о святкахъ и привезъ этого старика. Только въѣхалъ въ деревню — а у Авдотьи, слышь, всѣ куры и запѣли пѣтухомъ! Вотъ народъ–то и прибодрился; Адотьюшка оробѣла. Старикъ живетъ–себѣ у Маркела — все ничего, и стало потише на деревнѣ, какъ–будто новыхъ проказъ авдотьиныхъ не слышно. Проходитъ крещенье — Маркелъ съ сыномъ и поѣхалъ

на смотрины и взяли съ собой старика. Чтѣ тамъ у нихъ было до того — не вѣдаю; только сказывали, что старикъ до поры не ѣхалъ, и Маркелу ѣхать не велѣлъ; а какъ пришла пора, то и сказалъ, что теперь–де поѣдемъ.

«Провѣдала объ этомъ Авдотья, хочется ей выйдти на улицу, чтобъ, знаешь, свое дѣло сдѣлать — такъ лихъ нѣтъ, что–то претитъ; она какъ–бы ступитъ за порогъ, анъ ноги–то назадъ ѣдутъ, словно подъ ними земля осунулась. Такъ она, окаянная, сколько ни билась, поколѣ не воротился Маркелъ съ сыномъ и со старикомъ, потолѣ на печи въ избѣ и просидѣла, инно взвыла подъ конецъ, такъ–что народъ подъ окнами собрался! А Маркелъ сдѣлалъ свое дѣло, какъ водилось, сговорилъ сына за отборную невѣсту, какой лучше не надо, и благополучно воротился со старикомъ. Пришло время ѣхать по невѣсту; народу на проводы набѣжало къ Маркелу полна изба, повернуться негдѣ; дѣвки запѣли пѣсню: «какъ Гаранѣ мати голову чесала»; глядь — анъ у Гараньки–то волосы на головѣ

поломемъ пышатъ. Маркелъ испугался, подскочилъ, чтобъ погасить — анъ у самого бородища занялась, да пламя такъ все лицо и окинуло! Какъ взревутъ они оба, и отецъ–то и сынъ, пали на–земь, да и катаются. Народъ всполошился, дѣвки поперхнулись пѣсней — не до нея, всѣ врознь; мужики бросились къ водѣ — а тутъ, сударь ты мой, какъ народъ разступился, да старикъ, сидя въ куту, увидалъ что дѣлается, такъ усмѣхнулся только, да молвивъ что–то про–себя, махнулъ рукой — такъ ничего–те и не бывало, огня нѣтъ и волосы цѣлы и бородища цѣла.

«Помаленьку образумились Маркелъ съ Гаранькой, перекрестились; отецъ благословилъ сына, вышли на дворъ и сѣли въ сани — а кони съ мѣста не йдутъ, хоть что хочешь дѣлай, храпятъ, прядутъ ушами, да пятятся; а сами въ поту стали, ровно кто ихъ взмылилъ. Стали понукать, хлеснули кнутомъ, дернули кони — завертки пополамъ, гужи на–четверо! Вотъ какъ!

«Старикъ вылѣзъ изъ саней, обошелъ поѣздъ три раза по солнцу, далъ лошадямъ зелья понюхать — и пошли. Дорѣгой ѣхали все хорошо, пріѣхали къ невѣстѣ — а тамъ иной грѣхъ: у невѣстина двора нѣтъ ни воротъ, ни калитки, вокругъ однѣ глухія стѣны, а на избѣ и крыши нѣтъ. Старикъ только потрясъ головой, опять вылѣзъ изъ саней, взялъ изъ–подъ правой ноги, отъ слѣдка, комочекъ снѣгу, обернулся на мѣстѣ три раза, зачурался, бросилъ комъ на избу — все стало, какъ слѣдно быть, и крыша и ворота есть.

«Вотъ, батюшка ты мой, это ладно. Взяли невѣсту, поѣхали въ церковь, повѣнчались и, слава Богу, дѣло сдѣлалось безъ помѣшки, все благополучно. Пріѣзжаютъ къ Маркелу; вотъ онъ встрѣлъ молодыхъ, какъ слѣдуетъ, у воротъ — радъ–радъ, что поѣздъ прибылъ, что все кончено, потому, вишь, что боялся онъ за нихъ, еще не будетъ ли бѣды какой отъ авдотьиныхъ проказъ; встрѣлъ онъ молодыхъ своихъ съ иконою, осыпали ихъ и хмѣлемъ, а они вошли въ избу, сѣли за

столъ, и молодая–то красавица подъ фатой на золотѣ, а Гаранька въ борцстомъ кафтанѣ съ пуговицами, словно по–купецки. Дружка сталъ свое дѣло дѣлать, прибирать всякія рѣчи, чтобъ потѣшить бояръ и поѣзжанъ: «эй, стряпўхонька, поварцхонька! бѣлы рученьки, скоры нльженьки; повыдь, повыступи отъ печи кирпичныя, отъ столба перемычнаго; шевельнись, мотнись, не позёвывай; чтль есть въ печи, все на столъ мечи!»

«Вотъ и стали подавать всякія яства: подали одно, анъ на столѣ одни черепья битые; подали другое, каленое уголье; свашеньки растерялись, дружка языка не доищется, позабылъ всѣ красны приговоры свои; всѣ перепугались, что дѣло, стало–быть, ужь и вовсе не ладно. Вотъ старикъ нашъ поглядѣлъ, провелъ рукой по бородѣ, да и говоритъ: «Кто такой столъ готовилъ, тому и ѣсть надо, не миновать; подите, кланяйтесь Авдотьѣ, да зовите на свадьбу, на хлѣбъ–соль, на коровай».

«Побѣжали дрўжки — Авдотья дома, и съ печи не слѣзала; глаза что жаръ горятъ;

зла, зла, такъ–что взглянуть на нее страшно, а видно не послушаться не смѣетъ, накинула въ торопяхъ на себя кой–какую одёжу, платкомъ на золотѣ подвязалась, пришла. Вошла она въ избу Маркела, ровно вотъ сама не своя; креста на себя не положила, народу ни хозяину съ хозяйкой не поклонилась, сѣла за столъ молча, глаза передъ себя потупила, ни на кого не глядитъ; а яства всѣ стали, какъ были – нѣтъ, то–есть, ни черепьевъ, ни уголья. Отошелъ княжескій столъ, а старикъ все молчитъ и не поглядитъ на Авдотью, ровно не его дѣло, и повели молодыхъ на подклѣть; Авдотья–то бы и вонъ, да ноги не слушаются! Вотъ, какъ увели молодыхъ, старикъ и поднялъ брови, и глядитъ на Авдотью во всѣ глаза, а она такъ и затряслась: "Стой, говоритъ, Авдотьюшка; полно кошкѣ таскать изъ чашки, пора и честь знать. Вѣдь у меня меньшой сынъ былъ твоему дѣдушкѣ ровесникъ, такъ тебѣ со мной совладать будетъ тяжело; чтобъ на насъ съ тобой добрые люди не плакались, такъ подика ты

сюда!» Она бѣлѣй бѣлья стала, вся дрожитъ, а подошла; старикъ развернулся, да какъ ляпнетъ ее лѣвшой на лѣтмашь — Авдотья съ ногъ долой, закричала разными голосами; ужь ломало ее тутъ, ломало — встала вдругъ опять, отряхнулась, зашаталась, да какъ кинется въ двери, да бѣжать; старикъ смѣется, а народъ за нею, а она во всѣ лопатки, да опростоволосилась и платокъ съ головы потеряла — все бѣжитъ; не успѣла добѣжать домой, какъ подымется вихорь престрашный, да какъ налетитъ на Авдотью вороньё, откуда берутся — вотъ туча тучей. Ну, она все бѣжитъ, а вороньё, видимо–невидимо, все за ней, облѣпили кругѣмъ, что ея и слѣдочку не видать стало. Народъ испугался и воротился, перекрестившись; никто въ ночь не поспѣлъ и подойдти къ избѣ авдотьиной и не вѣдали, чтѣ тамъ дѣется, чтѣ творится.

«Вотъ на утро и пошла молва, что Авдотья–де побывшилась (скончалась). Всѣ обрадовались, бѣгутъ къ ней въ избу, глядятъ — Окулька заперта въ свѣтёлкѣ, а

Авдотьи нѣтъ; въ избѣ на полу лежитъ платъ ея, кичка, сарафанъ, рубаха, обутка — все въ чемъ вечоръ была Авдотья, а ея нѣтъ. Вотъ, батюшка, нѣтъ ея да нѣтъ, да такъ и не стало; и куда дѣлась она, никто не знаетъ, такъ и пропала. Вотъ и стали опослѣ догадываться, что расклевали Авдотью вороньё, а вороньё–то не простое, какъ и сама она не спроста шаливала, а то–де нечистая сила, которую старикъ напустилъ.

«Вотъ тебѣ, батюшка ты мой, и бывальщина; люба–ли вашей милости?» спросилъ хозяинъ.

— Живетъ, сказалъ я: — ничего; тебя слушать можно; да только хотѣлось бы мнѣ знать, давно ль все это было?

— Да ужь ражее мѣсто тому времени, отвѣчалъ онъ, тряхнувъ сѣдой головой: — мнѣ, пожалуй, что и не смекнуть. Гаранько–то, вишь, женился на родной тёткѣ моего дѣдушки Карпа, а онъ жилъ на свѣтѣ побольше ста годовъ; отецъ мой жилъ десятковъ восемь съ прибавкой, въ пугачовщину былъ ужь женатъ, а

побывшился — есть тому годовъ съ полчетверта десятка, коли не побольше — да вотъ и мнѣ ужь на седьмой десятокъ, быть шестой аль седьмой годъ — а я изъ братеньниковъ меньшакъ. Такъ вот и смекайте сами.

В.ДАЛЬ